

В этом году молодая хабаровчанка (то есть теперь москвичка) Алиса Сайтба-талова окончит Литературный институт имени А. М. Горького. Она поступи- ла туда, надела шуму и получив престижную стипендию имени Солженицына, а в придачу — ворох надежд от земляков. Пока на Дальнем Востоке о ней говорили и писали, она совмещала приятное с полезным — в качестве дипломной работы на худграфе ДВГУУ взялась за дизайн второго авторского сборника. Хотела быть книжным иллюстратором, но в столицу поехала, чтобы стать поэтом.

За пять лет, которые прошли с тех пор, многое изменилось. Прежде всего — ее стихи. Их и раньше называли очень (даже слишком) интеллектуальными для юной провинциальной девочки, а теперь духовный поиск осложнил и форму, и содержание — на первый план вышла библейская, христианская тема. Похоже, более глубокого и серьезного литературного бэкграунда в мире просто нет. Поэтому пока мы удивляемся ее новым стихам, Алиса, получив несколько литературных премий (в том числе международного конкурса «Мыслящий тростник» имени Ф. И. Тютчева), встала перед новым выбором: что ей интереснее — литература или религия? И вообще, зачем все это?

— Знаю, что большая часть людей, которые едут поступать в литинститут, думают, что их тут научат быть писателями, — рассказывает она. — А ведь это невозможно. Все, что он дает, — среда и образ мыслей. Да, теоретически это важно. Но такую штуку можно получить и самостоятельно. Нас таких, студентов и выпускников, много. А прекрасных поэтов, например, вообще очень мало. Сколько из них окончили институт?

Мы сидим в ее любимом кафе, крошечном и темном, где-то в подворотне возле красивейшего Храма Рождества Богородицы в Путинках («Что здесь самое вкусное? Понятия не имею, я тут не ем»). Она практически не меняется — маленькая, невесомая и тонюсенькая, повзрослел только взгляд. Да в речи появилось больше иронии (в стихах ее нет совсем — она, кажется, старается отсекать все лишние смысловые и эмоциональные оттенки).

— Я с тобой не согласна — в моих стихах не столько Библия, сколько общий религиозный фон, — возражает Алиса. — Ну потому что а про что еще писать? Либо про смерть, либо про любовь, либо про тяжелую участь поэта. А все, что про любовь и смерть, базируется на мировоззрении. Если оно основано на религии, естественно, это будет отражено в тексте. Но Библия, безусловно, лучшая на свете книга, а царь Давид — самый лучший поэт.

Осторожно спрашиваю: а не кажется ли ей, что сейчас это стало... модным? Православную поэзию вполне можно назвать трендом последних лет.

— Думаю, это, во-первых, оттого, что мы наконец-то дорвались, — отвечает и улыбается. — До девяностых годов у нас ведь вообще практически не было религиозной литературы. А во-вторых — к сожалению, это наиболее легкий путь к читателю. Библейские коннотации заложены в русском человеке как часть его самоидентификации. По данным различных опросов, больше восьмидесяти процентов жителей нашей страны считают себя православными, но тут вопрос даже не конфессии, а культуры. Ты произнесешь «Голгофа» — и в голове у собеседника сразу обширный пласт образов и ассоциаций.

Религиозные сюжеты и коннотации в литературе, в том числе современной, — предмет ее пристального исследовательского внимания с самого начала учебы в Москве.

— Это область на стыке науки и искусства — мне безумно интересно! — признается Алиса. — Например, в 2015 году написала работу по сказкам Андерсена. В советское время при переводе их сильно отцензурировали, но теперь уже можно найти оригиналы. Многие и не подозревают, что мы упустили. А год назад я изучала сборник стихов Андрея Таврова «Часослов Ахашвероша». Это современное осмысление средневековой христианской легенды об Агасфере, и он предстает перед читателями совсем не таким, каким его привыкли видеть. Мне действительно хочется понять, почему интерес к религии так активно возрождается. Не так давно поэт Сергей Завьялов представил свою поэму «Рождественский пост», посвященную теме блокадного Ленинграда. При этом время в ней определяет богослужебный цикл, а еще есть выдержки из монастырского устава. Почему так происходит и что будет дальше? Что хотят сказать авторы и как это воспримет читатель? Вот что мне хочется выяснить.

В череду этих вопросов вплетается еще один — что она сама хочет сказать, двигаясь в том же направлении.

— Просто, начав работать на такой благодатной почве, очень трудно перейти на что-то другое, — задумчиво продолжает после небольшой паузы. — Она вечна, ее хватит если не на всю жизнь, то очень надолго. А все остальное по сравнению с ней кажется очень-очень мелким.

Неудивительно, что, вернувшись после перерыва к графике, она обратилась все к тем же сюжетам. И вполне успешно: ее «Волхвы» на открытках, например, прошлой зимой продавались в модном книжном магазине «Порядок слов». Она и мне принесла три в подарок. Вместо традиционных золота, ладана и смирны в руках Каспара, Бальтазара и Мельхиора новые дары: бумажный журавлик как символ простоты и чуда, деревянная лошадка как символ игры и детства и палитра как символ творчества, преображающего мир.

Потому что даже о вечных сюжетах можно рассказать со своей интонацией. И ее, безусловно, стоит искать.

